«ЕДИНОГО СЛОВА РАДИ...»

Беседа с писателем Игорем МАЛЫШЕВЫМ

"ЗАВТРА". Игорь, по-своему ты уникален, ибо каким-то образом совмещаешь работу на атомном предприятии с занятиями литературой.

Игорь МАЛЫШЕВ. Да, я действительно работаю инженером на заводе и при этом пишу прозу и стихи.

"ЗАВТРА". Давай начнём с технической стороны вопроса, с инженерного труда.

Игорь МАЛЫШЕВ. По образованию я инженер-металлург, и в 1997-м году мне посчастливилось устроиться на машиностроительный завод в г. Электросталь, который делает топливо для атомных станций, ледоколов и т. д. Я говорю "посчастливилось", поскольку в стране тогда царила разруха, заводы закрывались один за другим, а "Машзавод" чувствовал себя уверенно, и работать там было выгодно и престижно. Что бы ни происходило в мире, АЭС должны работать и вырабатывать энергию. Их нельзя заглушить, а потом завести так же просто, как, допустим, мотор в автомобиле. Помимо России и бывших советских республик, наше топливо тогда поставлялось в Чехию, Словакию, Венгрию, Болгарию, Финляндию. Потом к этому списку добавились Китай, Германия, Швеция, Швейцария, Индия, Нидерланды, Великобритания… Сейчас наши топливные сборки эксплуатируются в каждом восьмом реакторе мира, что, согласитесь, довольно серьёзный показатель.

"ЗАВТРА". Это к сведению, тем, кто любит порассуждать о неконкурентоспособности нашей промышленности на мировом уровне.

Игорь МАЛЫШЕВ. Совершенно верно. Топливо для АЭС — сложная и высокотехнологичная продукция, и освоить её производство под силу далеко не каждой стране. В атомной отрасли очень высоки требования к безопасности и, соответственно, к качеству продукции. Исходя просто из географии поставок, видно, что наше топливо высоко котируется в мире.

"ЗАВТРА". Можешь рассказать о самом ярком впечатлении, связанном с работой?

Игорь МАЛЫШЕВ. Наверное, это первое посещение АЭС. Меня тогда поразило, насколько станция огромный и сложный организм. Даже когда просто идёшь по коридорам, а это в полном смысле слова лабиринт, видишь вокруг себя паутину проводов, кабелей, труб, понимаешь, что каждый проводок и каждая труба куда-то идут и для чего-то нужны, пытаешься представить себе масштаб структуры, голова идёт кругом. И тут надо понимать, что за каждым механизмом, датчиком, трубой, проводком стоит гигантский труд учёных, исследователей, проектировщиков, конструкторов, технологов, рабочих… Строительство АЭС под силу только индустриальным гигантам, каким и был СССР, при котором появилось большинство наших станций. К счастью, атомная отрасль, в отличие от других, не понесла фатальных потерь в "святые" девяностые, и благодаря этому Росатом сейчас один из ведущих игроков на международном атомном рынке, и наш авторитет в мире очень высок.

"ЗАВТРА". Теперь нас наверняка обвинят, что мы написали заказную статью для Росатома, ну да ладно. Судя по всему, ты гордишься тем, что принадлежишь к такой структуре?

Игорь МАЛЫШЕВ. Да, элемент гордости присутствует. И тут даже нет особого пафоса, работники Boeing, Ford, Sony, Tesla тоже и по праву гордятся принадлежностью к своим корпорациям.

"ЗАВТРА". Хорошо. О профессиональной деятельности мы поговорили, перейдём к литературе. Что она для тебя: хобби или больше, чем хобби?

Игорь МАЛЫШЕВ. Больше! Сил и времени отнимает много.

"ЗАВТРА". Тогда расскажи о своём, прости за казённщину, творческом пути.

Игорь МАЛЫШЕВ. Что-то сочинять я начал ещё в совсем молочном возрасте. В детском саду, насколько я помню. А вот писать первую книгу сел довольно поздно, лет в двадцать пять. Получилась небольшая повесть "Лис". В 2001 году её опубликовал журнал "Москва", затем она вышла уже как книга. Мне повезло, в литературном мире её заметили. В прессе вышло приличное количество рецензий, повесть попала в короткий список премии "Ясная поляна".

"ЗАВТРА". О чём книга?

Игорь МАЛЫШЕВ. Тут проще всего обозначить её ближайших родственников. В ней есть что-то от гоголевских "Вечеров на хуторе близ Диканьки", шекспировского "Сна в летнюю ночь". Такое русское лесное фэнтези. Там действуют скоморох, поп, бесы, русалки, ведьмы, водяные, лешие. А о чём она… О любви к жизни, её красоте. И ещё о том, что жизнь — всегда тайна.

Потом у меня вышло несколько книг, которые, как и "Лиса", можно причислить как к детской, так и ко взрослой литературе: "Дом", "Там, откуда облака", "Маяк". Тут мне снова повезло, иллюстрации к ним рисовал художник-мультипликатор Виктор Чугуевский. Это настоящая легенда советской и российской мультипликации, он участвовал в создании таких классических мультфильмов как "Жил-был пёс", "Тайна третьей планеты", "Мартынко", "Путешествие муравья", "Сказка о глупом муже" и многих других.

Был у меня ещё ряд книг для детей: "Корнюшон и Рылейка", "Космический сад", "Суворов — непобедимый полководец".

В 2017 году, в год столетия Октябрьской революции, журнал "Новый мир" опубликовал отрывок из моего романа "Номах", посвящённый одной из самых харизматичных и спорных фигур Гражданской войны — Нестору Ивановичу Махно. Роман "прозвучал" достаточно громко, вышел в финалы премий "Большая книга" и "Русский Букер", попал в длинный список "Национального бестселлера".

"ЗАВТРА". Чем тебя привлекла фигура "батьки"?

Игорь МАЛЫШЕВ. Начать хотя бы с того, что он один из самых оболганных персонажей Гражданской войны. Причём приложили к этому руку как белые, так и красные. Такое вот противоестественное единение. Большинство из того, что среднестатистический человек знает о Махно, — ложь. Например, принято считать, что махновцы — не более чем плохо управляемая, вечно пьяная банда погромщиков.

"ЗАВТРА". А это не так?

Игорь МАЛЫШЕВ. Конечно, нет. Гражданская война — жестокие кровавые жернова, которые, помимо белогвардейцев, перемололи войска немцев, поляков, петлюровцев, григорьевцев и многих других. Махновская армия, а это была именно армия, на пике своей численности достигала 120 тысяч человек. Махновскому движению противостояли и Красная армия, спаянная железной дисциплиной, и Белая армия, в которой было множество офицеров, прошедших Первую Мировую и обладающих изрядным боевым опытом, — махновцы успешно противостояли и тем, и другим. Разве такое возможно для неуправляемой недисциплинированной шайки? Махно показал себя прекрасным организатором и создал очень боеспособное войско. Если белые оставили Крым в ноябре 1920 года, то Махно продержался до конца лета 1921-го. И это при том, что Колчака, Врангеля и Деникина страны Антанты поддерживали вооружением, обмундированием, медикаментами, а махновцам зачастую приходилось всё добывать в боях.

Кстати, ещё один показательный момент. Многие знают, что во время Крымской операции Фрунзе форсировал Сиваш и взломал укрепления Перекопа. Но очень немногие слышали, что значительную часть форсирующих составлял корпус махновцев под руководством Семёна Каретникова. Между Махно и красными на тот момент был заключён очередной союз и анархо-коммунисты (именно так правильно говорить) оказывали союзникам помощь во взятии Крыма.

Завершая тему "Номаха" и Махно, скажу, что сейчас в российской истории сформировалась триада народных героев, представителей "понизовой вольницы": Разин, Пугачёв, Махно. Три, как известно, число сакральное, и это что-нибудь да значит.

"ЗАВТРА". Я знаю, что твои литературные интересы не исчерпываются только прозой.

Игорь МАЛЫШЕВ. Да, вдобавок ко всем своим многочисленным недостаткам, я ещё пишу стихи. Выходили подборки в "Новом мире", "Юности", "Дружбе народов". Плюс у меня есть две пьесы, одна из которых, "Лавка хлама", была опубликована в "Дружбе народов".

"ЗАВТРА". Постановок пока не было?

Игорь МАЛЫШЕВ. Нет. Но я продолжаю надеяться.

"ЗАВТРА". Блажен, кто верует. Скажи, а есть точки соприкосновения между твоей работой на заводе и литературной деятельностью?

Игорь МАЛЫШЕВ. Вообще-то, атомную энергетику и литературу ещё в прошлом веке "повенчал" Владимир Маяковский, когда написал в "Разговоре с фининспектором":

Поэзия — та же добыча радия.
В грамм добыча, в годы труды.
Изводишь единого слова ради
Тысячи тонн словесной руды.

Тут, кстати, есть один любопытный момент. Классик, помимо того, что описал трудоёмкость добычи ядерных материалов, ещё и указал на важность точного слова в литературе. И знаете, в технической литературе точное слово важно не меньше. Представляете, если в инструкциях по управлению реактором АЭС будут размытые фразы и неоднозначные формулировки?..

"ЗАВТРА". Атомную энергетику многие представляют как нечто таинственное и смертельно опасное.

Игорь МАЛЫШЕВ. Так и занятия литературой тоже занятие опасное для здоровья. Если не физического, то уж психического точно. Вспомните, сколько самоубийц было среди литераторов: Есенин, Маяковский, Цветаева, Фадеев, Хемингуэй, Мисима, Акутагава… А уж количество тайных и явных сумасшедших вовсе не поддаётся учёту. Так что рука любого родителя, если он заметил, что его ребёнок рифмует слова, должна тянуться к розге. Шутка. Но в этой шутке есть некая доля истины. Атомная энергетика так же опасна, как и любой другой аспект человеческой деятельности. Вот, например, в мире ежегодно гибнет от автомобилей чуть ли не полтора миллиона человек, но никому и в голову не приходит отказаться от автотранспорта, поскольку выгоды слишком очевидны. Так и в атомной энергетике надо всего лишь соблюдать свои "правила дорожного движения", и всё будет в порядке.

"ЗАВТРА". Недавно у тебя вышла любопытная книга, связанная с одним эпическим текстом.

Игорь МАЛЫШЕВ. Да, в прошлом году питерское издательство "Лимбус Пресс" выпустило "Песнь о нибелунгах" в моём пересказе. Изначально это стихи, поэма, написанная, что неудивительно, несколько архаическим слогом. Я немного осовременил язык и пересказал "Песнь…" в прозаической форме. Кроме того, я постарался учесть замечания историков-медиевистов к русским поэтическим переводам, исправил допущенные неточности и ошибки.

"Песнь о нибелунгах" мало того, что сама по себе представляет интерес как средневековый психологический триллер (выражаясь максимально доступным языком), так ещё и является одним из краеугольных камней европейской культуры. Достаточно вспомнить тетралогию Вагнера "Кольцо нибелунга", основанную на эпосе, множество экранизаций "Песни…", первую из которых снял классик мирового кинематографа Фриц Ланг в 1924 году, бесчисленные театральные постановки… Отсылки к "Песни…" можно обнаружить в самых неожиданных произведениях. Одно прямое заимствование я обнаружил, например, в "Трёх мушкетёрах" Дюма.

Игорю Александровичу МАЛЫШЕВУ — 50 лет!

Меня "Песнь…" увлекла, и я решил осмыслить мотивацию и психологию героев, глубже вжиться в эпос. В итоге написал историческую повесть по мотивам "Песни…" и, насколько мог, провёл параллели с нашим временем. Получилось в итоге нечто довольно странное. В какой-то степени это художественное произведение, в какой-то — автобиография, рассуждение о роли героя в становлении и крушении государств и т. д. Несколько издательств сейчас рассматривают эту повесть и, чувствую, пребывают в определённой растерянности. Что и неудивительно, если учесть, что я попытался сопоставить роли Зигфрида и Сталина в судьбах, соответственно, Бургундского королевства и России. Или, например, увидеть сходство мотивов в самоубийственных бросках бургундов к гуннам и советского человека в хаос девяностых…

Беседовал Андрей ФЕФЕЛОВ

Редакция "ЗАВТРА" поздравляет с юбилеем нашего друга и автора Игоря МАЛЫШЕВА. Новых творческих свершений! Многая лета!

ОГНЬ ВЕКОВ

«Нетленно слово Божье...»

Максим Лаврентьев. Псалмы Давида. М. : Вест-Консалтинг, 2022. — 108 с.

ТРАДИЦИИ переложения Псалтыри царя Давида — объёмные, многопластовые, разветвлённые. Ознакомление с историей художественной обработки Давидовых псалмов в разных странах, разными поэтами, в разные исторические эпохи — целая энциклопедия поэтической поступи: для поэта Псалтырь — великая тяга, сила почти космического притяжения, некая точка Омега (по терминологии Тейяра де Шардена, французского богослова, философа и палеонтолога), в которой концентрируются, собираются воедино все творческие упования любого человека на Земле, кто имеет счастье петь своим голосом. А царь Давид рядом. Псалтырь — некая символическая, знаковая проверка поэта на мужество прикоснуться к огненной, пылающей материи вечности.

Максим Лаврентьев сделал этот шаг, этот жест.

Удивительно осуществился он, одновременно и зримо, и звучаще, и потаённо.

Автор здесь будто бы исчезает. На переднем плане — сам великий псалмопевец. И тем безусловнее звучат, облечённые в нынешнее платье русской речи, древние иудейские слова, чем строже (по-баховски строго, хорально…) и стилистически скромнее, сдержаннее выявлена здесь авторская стилистика, авторское мастерство вербализации. В сакральном тексте, может быть, неважно, сколько богатых и оригинальных слов ты знаешь, как можешь украсить, расцветить, живописно нагрузить сочинённый тобою текст, — священность, возможно, именно в этой сдержанности архаической интонации, в сиянии и мерцании смысловых положений, а не в развёрнутой веером метафоричности, к которой мы привыкли за века существования европейской и русской поэтической культуры. И это обращение к великой простоте оправданно, понятно и естественно. Положения Псалтыри сами по себе тяжело нагружены великой эмоцией бесконечной, величиною с космос, высказанной вслух веры: "Господь! Мои враги, как саранча, / покрыли землю — так их стало много. / Друзья предать готовятся, ворча, / что поздно мне надеяться на Бога. / Но ты, о Боже, щит передо мной. / Ты слышишь голос мой и в мире горнем. / Не жду ничьей я помощи иной, / от клятв не отрекусь, убитый горем…"

САМА СТРУКТУРА книги примечательна: из-за того, что избран один стихотворный размер (пятистопный ямб — своеобразная поэтическая классика, опирающаяся на спокойную поступь музыкального эпического анданте) и растянут тотально, на весь предъявленный текст, вся плоть собранных воедино псалмов предстаёт некой гигантской поэмой. Что такое поэма, как не единство Міра, единство Вселенной? Максим Лаврентьев этим поэтическим жестом показывает (и доказывает), что подобное единство — не вымысел, не метафора, не напрасная надежда: оно подлинно. И да, удивление вызывает, когда читаешь эти строки, вот это погружение в подлинность, в безусловность — веришь, что всё оно так и было. И это царь Давид говорит с нами, и он так видел, чувствовал, горевал, сокрушался, боролся, любил. Это всё он, и его голос горою, массивом звёздного пустынного неба наплывает на нас, нынешних, из канувших во тьму веков: "Не в гневе обличай меня, Господь, / не наказуй с жестокостью излишней. / Потрясены душа моя и плоть — / прости, помилуй, исцели, Всевышний! / Спаси, избавь! Коль смерть за мной придёт / и скроюсь я в земле, в её утробе, / и мне беспамятство закроет рот, / смогу ли славить Господа во гробе?.."

И в то же самое время (и это прекрасный парадокс!) перед нами — современный поэт, свободно применяющий современные поэтические приёмы, вольно пользующийся художественными открытиями новейшего времени. Они незаметно, искусно вплетены в драгоценную ткань текста и придают ему окраску необходимой символики — словесного моста, переброшенного от нас, грешных, к легендарным временам псалмопевца. И в том Давидовом царстве мы опять глядим в вечное зеркало — и узнаём себя: "Мнят человеки: "Право и закон / повсюду в мире установим сами / велеречивым нашим языком, / как цацками, играя словесами". / Глупцы! Их пустозвонное добро / в прах распадётся, что б ни говорили. / Нетленно слово Божье — серебро, / очищенное от земли в горниле…"

Вечные чувства… Вечные сетования… Высокий пафос архаики внезапно становится вполне современным отчаянием: оно точно так же охватывает человека и теперь, среди угрюмой беззвёздной ночи, когда богооставленность реальна и захлёстывает петлёю глотку, когда, кажется, не осталось ничего, кроме собственного зыка и хрипа, кроме своего приглушённого рыдания и рвущегося из груди вопля. Соотнести себя с временем только с виду просто. На самом деле поэт, художник только и делает, что работает с временем. Работает с ним и Максим Лаврентьев. И без моментов отчаяния тут не обойтись. А царь Давид в этих восклицаниях невольно повторяет Иова, который тоже был испытываем Богом и прошёл весь жестокий огонь этих испытаний. Небо и земля связаны людским отчаянием в одну космическую вязанку. Мы — хворост, дрова, и нами в свой черёд подожгут тысячелетия: "Молюсь и в полночь, и при свете дня. / Напрасно. Такова Господня воля. / Неужто, Бог, покинул ты меня? / Неужто моего не слышишь вопля?..", "Ни света — только тьма со всех сторон…". А где же радость? Где она? Где всесветный, во весь размах души, праздник? И вот они, сверкающие, пьянящие хвалы, песня любящего сердца, вот те псалмы, которых ждёт всяк на земле живущий, ибо наше счастье гораздо древнее, чем нам кажется, ибо наш праздник, слепяще-солнечный, горит сверхновой звездой в просторах незабытых времён. И праздник сей — венец тяжкого труда, награда за усердие, за любовь, обращённую к земле, на коей живем: "…А здесь, внизу, о Господи, твоя / земля, благословенная вовеки. / По ней, людей, зверей и птиц поя, / текут тобою созданные реки. / Насыщена потоками воды, / руками обработана умело, / земля приносит тучные плоды, / которые питают земледела".

И ЧТО ЕЩЁ УДИВИТЕЛЬНО, тончайше. То ли это продуманный словесный жест, то ли интуитивно проявленная художественная деликатность. В иных псалмах звучит не только голос царя Давида, не только исповедь от первого лица, но упомянут великий псалмопевец и в третьем лице, автором, "со стороны", и оглядывается читатель в изумлении: где тут "я", где тут "он", где тут сам герой, его голос, а где рассказчик, своеобразный аналог евангелиста, изображающего нам Давидову жизнь и умеющего расслышать Давидову арфу? То ли в кадре всё происходящее, то ли за кадром… Теперь уже всё равно. А может, так сам песнопевец говорит о себе, глядя на себя в перспективе, из неведомого далёка, перевоплощаясь, воплощаясь в Того, Кто наблюдает его денно и нощно, а может, и в весь, совокупно, свой народ? Музыка звучала, звучит и будет звучать. Струны пустынной арфы поют и рокочут. Так сплетаются оба голоса — царский и авторский. Так осуществляется незримая передача факельного огня веков — дальше по цепочке, в иные времена: "Сложил Творцу короткий гимн Давид / в день предсубботний, что был тих и ясен: / "От века над природой Бог царит, / одет величьем, славой препоясан. / И воды возвышают голос свой, / когда могучий вихрь приводит в дрожь их, / но и пучины шум, и ветра вой / смиряет сила откровений Божьих".

Елена КРЮКОВА

Зал Ассоциации союзов писателей и издателей (Дом Ростовых)
10 ноября (четверг) 19.00
Творческий вечер поэта, прозаика, культуролога
Максима ЛАВРЕНТЬЕВА
"Библейская лирика от псалмов Давида к притчам Соломона"
Вход свободный
Адрес: ул. Поварская, 52/55, стр. 1
(станция метро "Баррикадная")

ФИЛОСОФИЯ РОСКОШИ

Выставка в галерее «Рабочий и колхозница»

В его расцвеченном голубой иллюминацией саду, словно мотыльки, кружились пары, окружённые шёпотом, ароматом шампанского и сиянием звёзд.
Фрэнсис Скотт Фицджеральд

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ДАННОСТЬ — любая мода в свой пиковый момент подвергается осмеянию, а мыслящие люди критикуют всё актуальное, будь то громоздкие причёски в 1778 году или чересчур опасное мини в 1969-м. Фифочек "назначают" героинями памфлетов, а их типажи представляют как безобразное порождение бытия. А вот раньше… Далее начинаются мемуарно-поэтические откровения. Мол, двадцать-тридцать лет назад все девушки были скромны и красивы, не то что эти, с обложки теперешнего Marie Claire. У Херлуфа Бидструпа есть карикатура, где отцы-матери бранят своих детей за "бесстыжие танцы" и "дикие формы", тогда как они сами в свои юные лета ровно так же подвергались нападкам.

"Что пройдёт, то будет мило…" — произнёс поэт, и смешные, дурацкие, дисгармоничные линии уж нравятся и вызывают жгучую ностальгию. В 1920-х годах было хорошим тоном вышучивать худых, коротко стриженых брюнеток, чьи полупрозрачные платья открывали всё, что хотелось видеть кавалерам. Да что там смотреть?! "Эти современные женщины, старающиеся быть похожими на водосточные трубы", — пренебрежительно бросил персонаж Олдоса Хаксли, немолодой художник, чей вкус никак не изменился со времён корсетов и мадемуазель Камиллы Клиффорд, чей торс напоминал песочные часы.

Сейчас мы искренне восторгаемся изяществом и… женственностью ар-деко, а именно в этом и отказывали девушкам "ревущих двадцатых". Женщины старшего поколения в 1920-х чуть не падали в обморок от вида flappers (девиц-хлопушек), нескромно сидящих нога на ногу и хохочущих над сальными шутками. Нынче "хлопушки" вроде Клары Боу да Луизы Брукс кажутся богинями ретро, а их танцы в разлетающихся юбках из бисера — очаровательными, но никак не похабными. Всё, что кажется уродливо-крикливым сегодня, через полвека будет вспоминаться с ностальгическими вздохами, а потом и с научным интересом.

Эпоха джаза, клаксонов и шляпок фасона "клош" — одна из востребованных у историков моды. В ней воплощена вся динамика наступившего XX столетия — шумного, революционного, изуверского, событийного. Женщина перестала быть загадкой, но сделалась звездой. К ней, фемине 1920-х — начала 1930-х годов, обращена грандиозная выставка "Облачённая в роскошь", проходящая на ВДНХ в павильоне "Рабочий и колхозница". Это — машина времени, на которой мы попадаем на вечеринку к Джею Гэтсби, в модные дома Пуаре, Фортуни, Вионне, Шанель, Пату и даже в парфюмерные бутики! Абсолютная новация — стенды с ароматами, где всяк желающий может ощутить дуновение минувших дней. Правда, это не аутентичные духи вроде Narcisse Noir и Mitsouko, а созданные петербурженкой Элиной Арсеньевой специально для экспозиции. Конечно, это своеобразный постмодернизм и перепевы, однако у Арсеньевой — удивительно точный взгляд (вернее, обоняние), и её работы попадают в точку.

Нас знакомят с термином ар-деко. Стиль явился итогом дизайнерских исканий начиная с 1918 года. Наименование стихийно возникло из-за парижской Exposition Internationale des Arts Décoratifs et Industriels Modernes — 1925, где были представлены художественные идеи всего цивилизованного мира, в том числе СССР. Если же вкратце, ар-деко — это конструктивистская простота, помноженная на идеальную пышность. Собственно, модный силуэт 1920-х — начала 1930-х — прямоугольник, щедро декорированный пайетками, бисером, вышивкой, а если повезло в жизни, то и драгоценностями. Притом никаких вытачек, грудь — талия — бёдра не подчёркивались вовсе. Их даже иметь не полагалось!

Взор фиксируется на резвых ногах — они должны быть стройными и сильными, чтобы крутить педали велосипеда, подпрыгивать на теннисном корте, а потом всю ночь безумствовать на дансинге под джазовые ритмы. "Вы, наверно, любите всякий спорт на свежем воздухе, правда?" — спросил он. "Ещё как! — быстро и горячо ответила она. — Люблю больше всего на свете. До безумия люблю ездить верхом, плавать, грести, кататься на моторной лодке и на акваплане", — этот диалог из "Американской трагедии" Теодора Драйзера даёт понять, какова эталонная дева.

Мода — всегда отражение грёз о "правильной" красоте. "…В вечернем платье, да и вообще во всех платьях она держалась так, словно на ней спортивный костюм — во всех её движениях присутствовала некая элегантная небрежность…" — это уже фицджеральдовская Джордан Бейкер, представительница американского хай-лайф. Непременно спортсменка с тренированным телом.

Женщина ар-деко не боялась обнажённости и, по мнению моралистов, специально выставляла себя напоказ. "На ней было тонкое зелёное платье. Сквозь полупрозрачную материю чуть ниже подмышек виднелась линия, где кончалось бельё и начиналось голое тело… Чулки были цвета загара… Мистер Куорлз был особенно восприимчив к икрам, считал современные моды замечательными… Его глаза следовали за изгибами блестящего коричневатого фильдеперса", — писал Хаксли, который не то ненавидел современность, не то боялся её, а, быть может, втайне приветствовал.

Акцентирование ног и культ скорости, бурных танцев — это внимание на туфли. Ни до, ни после не было такого ажиотажа вокруг обуви, как в 1920-х. Устойчивая колодка, значительный каблук и — драгоценное оформление. Тут алые, золотисто-жёлтые, чёрные, ярко-синие (блё де руа) туфельки, надевавшиеся под цвет нарядов, чтобы зрительно казаться выше — говорилось, что обувь другого цвета дешевит образ и зрительно "разбивает" фигуру. "Шум бегущих шагов: темп задают мягкие подошвы лёгких туфель из дорогой цейлонской кожи", — писал Фицджеральд. Особым шиком считались инкрустированные каблуки. Их вырезали из дерева, после чего покрывали разноцветным целлулоидом, имитировавшим слоновую кость, перламутр или черепаший рог. Их так много на выставке, что разбегаются глаза.

ЭКСПОНАТЫ "ОБЛАЧЁННОЙ В РОСКОШЬ" не имеют географической привязки (а той моде были подвержены и англичанки мистера Хаксли, и русские Эллочки от Ильфа и Петрова), но посвящены обеспеченной американке. На стендах есть информация о цене вещичек и штучек — в долларах. Сколько стоило в 1926 году быть в теме? Америка, хотя и отоваривалась в Париже, задавала тон: американские журналы Vogue, Harper's и Vanity Fair завоевали мир ещё в начале XX века, а Голливуд поставлял мечты о дольче вита куда как быстрее, чем "неповоротливые" киностудии Европы. На выставке можно увидеть фотографии актрис, которым подражали по обе стороны океана, а также посмотреть отрывки из фильмов-ревю.

На экспозиционных витринах — странички из дамского чтива с подробными описаниями новинок, а в одном из залов показаны обложки западной фешен-прессы, созданные русскими художниками — Романом Тыртовым (Эрте), Николаем Ремизовым, Симеоном Шиминым, Александром Ржевским, Владимиром Бобрицким и, разумеется, Львом Бакстом. Наши люди, оказавшись на чужбине, продолжали внедрять искусство и держать марку. Эти рисунки до сих пор считаются лучшими образцами ар-деко в журнальной иллюстрации. Мелочь, но приятно! "Дорогая моя, у тебя вид прямо из La vie parisienne. Тогда она сбросила пиджак… и он сказал ей, что вид у нее как на модной картинке в Vogue…" — сюжетец, выставленный на потеху Ивлином Во, слегка презиравшим лейблы, штампы и картинки с плоскими Афродитами, рождёнными из клубов бензинового дыма.

На выставочных манекенах — платья, воздушные, почти невесомые. Палитра изумляет разнообразием. Здесь и траурно-чёрный с серебряным шитьём, и телесно-бежевый с вышивкой, и тревожаще-красный, и розоватый, и тот вариант зелёного, что зовётся вердепом, то есть цвет зелёного яблока, vert de pomme. Нам, отвыкшим от изысканной колористики, всё это кажется павлиньей феерией, но в 1920-х тётушки ворчали, что в их младости убранства были поинтереснее, а это — лишь слабое подобие обворожительной цветности Belle Epoque.

Тем не менее там всё же есть чем любоваться. "…Её прозрачное вечернее шифоновое платье отливало всеми оттенками от бледно-жёлтого до густо-оранжевого, и это необыкновенно шло к ней, к её глазам и волосам", — описывал Драйзер наряд Сондры Финчли. Огромную роль стал играть шифон, потесниший все остальные материалы, — он эффектно драпировался, не боясь ни вышивок, ни бисера, был эфирно-лёгок и не мешал движению.

Среди фаворитов моды — цвет золота, символ богатства и расточительности. "Маленькая баронесса Иосивара, сложив золотые ручки на коленях золотого вечернего платья от Пакена…" — насмешничал Ивлин Во, имея в виду наряд из ткани lamé с металлическими нитями в основе. В первом же зале — целая шеренга манекенов в золотых одеяниях. Как это выглядело в динамике? Вероятно, как солнечные вихри.

ЛЮБИМЫМ УКРАШЕНИЕМ являлся бисер — им обшивали всё, включая шляпки и драповые пальто, но, к сожалению, на выставке нет ни верхней одежды, ни головных уборов. Зато "бисерные" платьица предъявлены во всей красе. Хаотические россыпи, цветы, пейзажи, абстрактные рисунки и, наконец, подол, весь состоящий из нитей. "Я собиралась надеть его нынче вечером, но оно мне великовато в груди, так что надо его чуть переделать. Шикарное платье: светло-синее, с отливом, отделанное бледно-лиловым бисером", — жаловалась одна из гостий Великого Гэтсби, кокетливо подчёркивая, что у неё крохотная — по моде! — грудь.

Важнейшая точка сборки — пляж. На излёте 1910-х купальные костюмы сделались до того короткими, что не могли не смущать созерцателей. Внедрение трикотажа довершило "растление" масс: всё это стало ещё и обтягивающим. Гелиотерапия была чем-то вроде светского моциона, и гладкий "апельсинный" загар, воспетый Фицджеральдом, отныне почитался признаком здоровья и материального благополучия. Под "пляж" на выставке отведено небольшое пространство, где на подиуме расположились манекены, облачённые в купальники. Тут же — парасоли, призванные защищать дамские головы от прямого солнечного света в час променада.

Что за прелесть аксессуары! Батальон сумочек на все случаи, веера из перьев и карнавальные маски. Эпоха безудержных party благоволила к маскарадам и комическим переодеваниям. Вся эта лепота закончилась так же резко, как и началась. В 1929 году случился экономический кризис, повлиявший на всё — и на всех. Циничный — и ранимый Фицджеральд в очерке "Эхо века джаза" отмечал: "Наконец, юбки удлинились, и всё оказалось скрытым от глаз. Все приготовились к новому этапу… На старт! Внимание…" Вдруг, как по мановению волшебной палочки, с экранов шагнула статная блондинка в очень длинном белом платье, точно взятом напрокат у античных кариатид. Это было следующим этапом ар-деко — резкость и дерзость больше не заряжали энергией, футуризм наскучил и потеснился историзмом, а летучий шифон поменяли на увесистый атлас.

Но вернёмся на выставку "Облачённая в роскошь", которая не только эстетически выверена, что редкость, но и познавательна. Кому адресовать спасибо, кроме музейного комплекса и уже упомянутого парфюмера Элины Арсеньевой? Коллекционерам Павлу Карташову, Антону Приймаку, Назиму Мустафаеву, Ксении Потаповой, чьи имена мы читаем прямо у входа. Над экспонатами потрудились и реставраторы Валентина Григорьева, Татьяна Черкасова, Евгения Волкова. Четыре этажа воплощённой философии роскоши — что может быть лучше в промозглый октябрьский день?

Галина ИВАНКИНА